

Даже теперь, при существующей бюрократической концентрации и при целой армии новых чиновников, введенных в современном государстве и сведенных к центру, к Парижу, мы видим, что для проведения в жизнь всякого нового закона, как бы ничтожно ни было его значение, требуются целые годы. Да и то, как часто в практическом приложении закон оказывается совершенно искаженным! Во время же Великой революции этого бюрократического, чиновничьего механизма еще не существовало: чтобы развиться до теперешних размеров, ему потребовалось больше 50 лет.

Но при таких условиях как могли бы проводиться в жизнь законы, издаваемые Собранием, если бы революция *фактически* не осуществлялась в каждом городе, в каждом поселке, в каждой из 36 тыс. общин Франции!

И несмотря на это, влиятельные революционеры из буржуазии оказались настолько недалекими, что они приняли все меры к тому, чтобы народ, бедняки, единственные всей душой бросившиеся в революцию, не имели особенно значительной доли участия в государственных, городских и общинных делах; они всеми силами противились тому, чтобы революция зарождалась и совершалась народом на местах, в городах и деревнях.

Для того чтобы из декретов Собрания вышло что-нибудь жизненное, *нужен был беспорядок*. Нужно было, чтобы в каждом маленьком местечке энергические люди - патриоты, ненавидящие старый режим, - завладели муниципалитетом хотя бы силой, чтобы они произвели в местечке революцию, чтобы был нарушен весь обычный порядок жизни, чтобы прежним властям перестали повиноваться. Кроме того, для того только, чтобы революция *политическая* могла совершиться, революция уже *должна была быть в значительной мере социальной*.

Нужно было, чтобы крестьяне сами захватили отнятую у них общинную землю и вспахали захваченную землю, не ожидая приказа свыше: такой приказ, разумеется, никогда не явился бы. Нужно было, чтобы в каждой деревне началась новая жизнь. Но без беспорядка, без большого *социального беспорядка*, этого произойти не могло.

А законодатели именно этому-то беспорядку и хотели воспрепятствовать!..

Они не только лишили народ участия в управлении, передав в силу муниципального закона 18–30 декабря 1789 г. все управление в руки *активных граждан* и исключив под именем *пассивных граждан* бедных крестьян и почти всех городских рабочих. Они не только передали таким образом всю власть в провинции в руки сельской и городской буржуазии, но еще усиливали власть этой буржуазии, чтобы помешать бедноте продолжать свои бунты.

А между тем только эти бунты и дали возможность впоследствии, в 1792 и 1793 гг., нанести последний удар старому порядку¹.

Итак, вот какую картину представляло собой положение дел.

Крестьяне, начавшие революцию, отлично понимали, что еще ничего не сделано. Отмена *личной* зависимости только пробудила их надежды. Теперь нужно было уничтожить тяжелую фактическую экономическую зависимость - навсегда и, конечно, без выкупа. Кроме того, крестьяне стремились вернуть себе свои общинные земли. Они прежде всего хотели сохранить за собой то, что было захвачено ими революционным путем в 1789 г., а для этого нужно было добиться законного утверждения совершившихся фактов. То, чего им не удалось вернуть себе из этих земель, они хотели получить теперь, не подпадая за это под кару закона о военном положении.

Но буржуазия всеми силами сопротивлялась этим двум народным требованиям. Она воспользовалась крестьянским движением 1789 г. для борьбы с феодализмом, для первых нападений на неограниченную власть короля, дворянства и духовенства. Но как только начатки буржуазной конституции были проведены Собранием и приняты королем (за которым, впрочем, были оставлены право и возможность нарушать эту конституцию), буржуазия остановилась, испугавшись слишком быстрого развития революционного духа в народе.

Буржуазия предвидела, что имения помещиков перейдут в ее руки, и она хотела получить эти имения в целостности, со всеми добавочными доходами, которые представляли собой старые крепостные повинности, превращенные теперь в денежные платежи. Впоследствии, думала буржуазия, видно будет, не выгоднее ли станет уничтожить все остатки этих повинностей, и тогда это будет произведено

¹ Читатель с интересом прочтет у Олара (*Олар А.* Политическая история Французской революции. М., 1902, с. 73–86) те страницы, где он показывает, как Собрание старалось помешать тому, чтобы власть попала в руки народа. Замечание Олара относительно запрещения законом 14 октября 1790 г. жителям общин собираться для обсуждения своих дел чаще чем раз в год для выборов вполне справедливо.